

ИТАЛЬЯНСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1943–1945 гг.)

Пьетро Нелье, профессор современной истории и истории Европы, Университет Триеста, Италия. E-mail: pietro.neglie@hotmail.it

Аннотация. Статья обращена к наиболее дискуссионной теме итальянской истории – 1943–1945 гг. В отечественной историографии освещение этого периода находится под влиянием итальянской коммунистической историографии, которая линейно освещает этот период как триумфальное шествие Движения Сопротивления. В данной статье анализируется сложный комплекс взаимоотношений между различными политическими силами после свержения Муссолини и образования Итальянской социальной республики.

В статье анализируются сложные отношения в коммунистическом движении, дается авторская оценка Салернского поворота.

Ключевые слова: Итальянская коммунистическая партия, бригады Гарибальди, Движение Сопротивления, Салернский поворот, Тольятти.

Итальянская Коммунистическая партия (ИКП) играла главную роль в освободительной борьбе против фашистского режима как политическая и военная сила. ИКП имела четкое представление о своих задачах и целях, но при этом она учитывала интересы Советского Союза, из которого коммунистический лидер Пальмиро Тольятти вернулся в Италию с четкими рекомендациями от Сталина.

Вопрос о выборе революционного или демократического пути развития постфашистской Италии на тот момент оставался нерешенным. Большая часть коммунистических сил явно была настроена на решительный приход к власти, рассматриваемый, как единственный возможный вариант итогов движения Сопротивления. Революционные настроения партизан-коммунистов вызывали серьезную обеспокоенность как со стороны умеренных групп, так и со стороны западных союзников, которые при первой возможности стремились нейтрализовать военный и революционный потенциал Гарибальдийских бригад. На международном и национальном уровнях целью западных союзников являлось воспрепятствовать коммунистам занять сильные позиции в политической жизни страны.

На момент свержения фашистского режима коммунисты были самой массовой и организованной силой в стране. Но до того, как линия Сталина и Тольятти была систематизирована на поддержание лояльности в отношении буржуазного антифашистского правительства и принята как неизбежность, цель социальной революции, как следующей фазы после изгнания захватчиков, разделялась большинством коммунистически ориентированных военных и партизан. Несмотря на то, что Сталин распустил Коминтерн в мае 1943 г., укрепив тем самым патриотическую направленность ведущейся войны, коммунисты были твердо убеждены, что это был тактический шаг, и конечная цель ни разу

не ставилась ими под сомнение. После роспуска Коминтерна ни одна коммунистическая партия не могла больше считаться «представительством иностранного государства», вследствие чего участие ИКП в политической жизни страны было узаконено. Однако, оказалось, что роспуск Коминтерна не означал одновременно и роспуск составляющих его структур, благодаря которым, практически на том же уровне, поддерживались отношения с коммунистическими партиями.

В Италии сразу же представители коммунистического движения поделились на два лагеря: радикальный, отказывающийся от любых контактов с монархией, ориентированный на революционный путь, и более умеренный, который одобрил участие ИКП в правительстве антифашистской коалиции. Подобного рода разделение было замечено в Москве, где В. Молотов и Г. Димитров изначально придерживались бескомпромиссной линии, и только после явного выбора Сталина в пользу общего национального фронта они, в свою очередь, решились, не без лишних сомнений, действовать в этом направлении.

Дальнейшее развитие итальянской ситуации зависело от решений англо-американской и советской сторон, определенно отличающихся друг от друга. У первых основной целью было быстро выиграть войну против Германии при самом активном советском участии. После грандиозного успеха под Сталинградом никто не смог подвергнуть сомнениям силу Красной Армии. Что касается СССР, то ему необходимо было время для того, чтобы закрепиться в Балканском регионе, занять позиции в Средиземноморье, максимально увеличить свою роль и обозначить присутствие через местные коммунистические партии в центре Европы: в Германии, Франции и Италии. Политика национального единства в рамках всестороннего сотрудничества ИКП с союзными силами и с национальной буржуазией

неохотно воспринималась англо-американскими союзниками, которые предпочитали бы видеть радикализацию советской политики, чтобы использовать это в качестве предлога для удаления Советского Союза с западноевропейского театра военных действий.

Таким образом, 1944 г. представляет собой поворотный этап как для итальянских, так и для международных событий. В Италии до возвращения Тольятти из эмиграции существовала реальная угроза раскола внутри Комитета Национального Освобождения (КНО). Значительная часть партии стояла на бескомпромиссных позициях, которые не были поддержаны руководством ИКП. Радикальное движение коммунистов, известное под названием «Bandiera Rossa» (Красное Знамя), вместе с оппозиционными социалистами «предложили левым партиям отпочковаться от Комитета национального освобождения и организовать автономный блок» [1].

На юге страны коммунисты придерживались сильных антимоноархических взглядов, которые Тольятти сразу же после 25 июля 1943 г. по радио из Москвы артикулировал оценку короля как предателя и врага нации, которому необходимо было предъявить обвинение. Радикальные позиции нашли свою почву в ИКП и в возрожденном профсоюзе Всеобщей Конфедерации труда (Confederazione General del Lavoro, CGL). Неаполитанские активисты, находившиеся в дискуссии с руководством ИКП, захватили большинство в федерации ИКП и использовали партийный раскол, заявив о свержении монархии и революционном единстве, которое должно было проявиться в борьбе. Неаполитанские активисты не принимали в расчет сложную политическую, дипломатическую, военную картину событий, и не учитывали необходимость сохранения тонкого баланса сил между англо-американцами и движением Сопrotивления. При ином подходе это могло бы привести к опасной маргинализации позиций коммунистов, к которым англичане всегда относились с большим подозрением. Так же противостояние CGL новому правительству стало серьезной проблемой для реализации проекта Тольятти. Поворотным моментом к нормализации отношений стало подписание Римского Пакта в июне 1944 г., в рамках которого Итальянская Коммунистическая партия, Социалистическая партия и Христианско-Демократическая партия образовали новую Всеобщую итальянскую конфедерацию труда (Confederazione Generale Italiana del Lavoro, CGIL) с добавлением «итальянская», чтобы подчеркнуть национальный, не классовый характер профсоюзной организации. ИКП стремилась подчинить деятельность CGIL политическим интересам своей партии, назначив к генеральному секретарю CGIL присматривающего за его деятельностью.

Когда в конце 1943 г. первый заместитель наркома иностранных дел А. Вышинский прибыл с визитом в Южную Италию в качестве представителя правительства, а не только как «товарищ» ИКП. Неаполитанские коммунисты стали опасаться, что утвердится компромиссная линия в политике партии. В связи с этим они решили подтолкнуть партию проявить «революционную» волю. В этом контексте созрели условия для раскола профсоюзов. Был созван конгресс Всеобщей конфедерации труда, который воплощал в жизнь наиболее

радикальные устремления партии в социальной сфере. Так в политике итальянских коммунистов проявлялось «двуличие», сочетание революционной и национально-демократической линий. Можно было объяснить, но трудно принять, что глава единственной коммунистической страны действовал не во имя «революционного дела», а в интересах своей страны. Сталин выигрывал время для позиционирования своих интересов на Балканах, стремился получить военный контроль над Германией, контролировать Францию и Италию через соответствующие коммунистические партии.

В ходе борьбы за освобождение Итальянской Коммунистической партии необходимо было продемонстрировать свою способность мобилизовать все силы и вовлекать их в войну».

В связи с этим ИКП необходимо было продемонстрировать единство партии. Поэтому борьба с инакомыслием отнюдь не была второстепенной и шла рука об руку с завоеванием господствующего положения в Движении Сопrotивления. В дополнение к серьезной военной подготовке и суровым правилам партия использовала два «инструмента» для этой цели: присутствие политического комиссара и Группы патриотических действий.

Поскольку СССР отождествлял свои интересы с интересами всего коммунистического движения, точно так же, как бригады Гарибальди отождествляли свои действия с реальными интересами освободительного движения, и тот, кто мешал СССР каким-либо образом, рассматривался как враг и предатель [3].

Итальянская коммунистическая партия внедрила своих людей в смешанные бригады или группы других формирований, чтобы контролировать и направлять эти группы в соответствии со своими собственными интересами. Контроль над движением Сопrotивления не был импровизацией, это был основополагающий момент в утверждении своего собственного господства, которое как таковое требовало с одной стороны плюрализма, а с другой единства сражающихся. Таким образом, коммунисты предотвратили союз между другими партизанскими бригадами, устранили конкуренцию в областях, считающихся деликатными, и сумели навязать всем бригадам свою тактику ведения военных действий [Там же].

Идеологическая основа была необходима, чтобы мотивировать на борьбу, преодолевая такие проблемы, как слабый боевой дух, политику выжидания, малочисленность. Политкомиссар контролировал военную деятельность, устанавливал шкалу приоритетов, которая подчиняла военные действия политической необходимости, в т.ч. обосновывал использование насилия, жестокости, массовых убийств, казней.

Еще одной решающей функцией, осуществляемой политическим комиссаром, было управление фондами. Проблема экономических ресурсов, которыми финансировалось партизанское движение, долгое время оставалась в тени. Как будто бы разговоры о деньгах сводили на нет весь смысл освободительной борьбы. Но, тем не менее денежный поток был настолько велик, что формировал разного рода соблазны. Поскольку финансовые потоки имеют важное значение, то предоставленные союзниками деньги не могли, по мнению самих союзников, соответствовать потребностям,

выходящим за рамки их интересов. Также по этому вопросу возникает проблема взаимоотношений как между Соппротивлением и союзниками, так и внутри самого Соппротивления. Ресурсы были основополагающими, так как они служили для достижения многих целей, и не в последнюю очередь для того, чтобы убедить лидеров других политических организаций перейти в ряды коммунистических бригад или «ускорить их продвижение в партизанских рядах».

На высшем уровне союзники хотели гарантий, которые предоставил им в качестве посредника Альфредо Пиццони, ответственный за всю экономическую игру. Но при нем «игры» по захвату наиболее важных акций для использования в соответствии с интересами, не всегда схожими с интересами союзников, были систематическими и постоянными. С одной стороны, это были коммунистические бригады, потому что деньги были необходимы для поддержки господствующей линии, а с другой стороны, деньги были нужны для претворения в жизнь этой линии, и для поддержки более умеренных или не согласных с линией гарибальдийцев организаций.

А. Пиццони был членом центрального руководства банка Кредито Италяно. После окончания войны он станет ее президентом, следовательно, значимым представителем итальянской буржуазии [4]. Пиццони, поддерживаемый западными союзниками, без всякого высокомерия и чувства собственного превосходства, а также без угрызений совести по поводу нарушений служебных обязанностей, считал себя единственно возможной фигурой на этом посту. Его деятельность осуществлялась таким образом, что у итальянской буржуазии появилась возможность принимать участие в политических преобразованиях в стране. «Она (буржуазия) своей основной и жизненно необходимой целью в данном процессе считала свою посредническую и узаконенную роль, что возвращало буржуазии на прежнее место в национально-демократическом проекте, не потрясая основ социального устройства, основанного на ее центральной власти. Через узаконенное посредничество такого рода итальянская буржуазия делала ставку на преобразование политической системы, в центре которой находились антифашистские и национальные партии, а также и система социального посредничества, стержнем которой выступал объединенный демократический профсоюз» [6].

План Тольятти угрожал осуществлению этой цели, и, хотя этот план реализовывался в общем направлении, отношения были вовсе не простыми. Чтобы компенсировать это «главенство», Пиццони и все те, чьи интересы он представлял, были вынуждены пойти на некоторые уступки, создавая внешнее впечатление о своей деятельности, не приносящей существенных изменений. Например, Пиццони, чье имя было еще неизвестным, в свою бытность президентом CLNAI, в день военного переворота был заменен социалистом Моранди.

Группы патриотического действия (Gruppi di Azione Patriottica, GAP), являлись специфическим образованием только Коммунистической партии. Это были автономные военные образования, подчинявшиеся только коммунистической партии, а не Комитетам национального освобождения (CLN), как другие парти-

занские формирования. Главой Групп патриотического действия был Джорджо Амендола, являвшийся в то же самое время членом Главного командования Гарибальдийских бригад. Таким образом, итальянской Коммунистической партии удавалось достигать своих целей, в то время, как Комитеты национального освобождения отвергали определенные инициативы. Большинство в Гарибальдийских бригадах составляли коммунисты, но в них числились и члены других политических сил, а также беспартийные. А Группы патриотического действия были сформированы только из коммунистов и военные действия осуществлялись исключительно в интересах партии.

Смесь риторики и апологетики всегда делало партизанское движение активным и непримиримым. Но в тех же самых критических нотках, исходивших от его руководителей, таких как Пьетро Секкья и в свидетельствах, приведенных в дневниках, или обнаруженных спустя долгое время, говорится о сомнениях и антипатии к сражающимся, о политике выжидания, а также об определенной пассивности, которая противоречила приоритетной задаче освобождения страны без помощи союзников, с дальнейшим решением ее будущего без вмешательства, которое изначально проявлялось в очевидной форме.

Таким образом, деятельность Группы патриотического действия характеризовалась изобилием саботажа, нападением на казармы, убийствами нацистов и фашистских республиканцев, чтобы вызвать ответную реакцию, а также воодушевить на борьбу, призвать к бою непокорных. Многочисленные акции Группы патриотического действия стремились разжечь конфликт, придав ему радикальную форму. Как это ни парадоксально, эти усилия должны были привести к разжиганию гражданской войны, которая позже была отвергнута самой коммунистической партией.

Первая Группа патриотического действия была из Пьемонта, которая начала свои акции с убийства руководителя фашистской Милиции Доменико Джардина [3]. С тех пор подобные действия стали повторяться. В период войны репрессии вызывали ненависть к нацистам и фашистам, поэтому, с моральной точки зрения, это был трудный, но необходимый путь. Однако 1944 г. стал важной разделительной линией, фактически, он стал характеризоваться новым психологическим климатом, выражавшимся в активизации военных действий как со стороны союзников, так и со стороны партизан. Сначала союзники попытались окружить немцев при высадке в Анцио, с прицелом продвижения на Рим, освободить его и идти далее на север. Расчет был на то, что начало операции «Оверлорд» (высадка в Нормандии) заставила бы немцев ослабить свое присутствие в Италии, а также в СССР, чтобы противостоять массовому «вторжению» англо-американцев. На «внутреннем фронте» CLNAI, кроме усиления военных действий, начал операцию по изоляции и ослаблению фашистской Итальянской социальной республики (ИСР). В связи с этим усилились угрозы по отношению к итальянцам фашистам и коллаборационистам. CLNAI призвал чиновников и служащих ИСР не клясться в верности фашистскому режиму, защищая, таким образом, свое гражданское и политическое достоинство. Но тем, кто не следовал этим указаниям, были обещаны

«справедливые санкции, которые будут применены к ним будущим национальным народным правительством». Таким образом, Комитет сделал радикальный выбор, что оставляло мало альтернатив тем, кто сотрудничал с режимом ИСР. Почти наверняка им грозило наказание со стороны фашистского режима в ближайшее время, а в недалеком будущем со стороны «народного правительства». Тем, кто присоединялся к «борьбе за национальную независимость», CLNAI гарантировал, «что каждая жертва будет вознаграждена завтра благодарностью итальянского народа, вернувшего себе свободу» [7]. В результате с целью выживания многим итальянцам пришлось демонстрировать чудеса компромисса. Фраза «я делаю это во имя семьи» стала символом итальянского искусства приспособления.

Если Гарибальдийские бригады олицетворяли собой национал-демократическую линию освободительной войны, то Группы патриотического действия символизировали классовую войну. И оба этих течения, находящиеся в состоянии открытой конфронтации между собой, принадлежали Коммунистической партии, превратившись со временем для нее в тяжелый политический балласт. Исследовать проблему взаимоотношений между ИКП и связанными с ней группами не представляется возможным с помощью неопубликованных архивных документов, хранящихся неизвестно где, и существовавших ли вообще когда-либо. Один из важных неисследованных вопросов сводится к следующему: для ИКП являлась ли национал-демократическая линия всего лишь тактикой или, напротив, стратегией?

Таким образом, в настоящий момент можно рассматривать только противоречивые трактовки, которым можно найти очевидное подтверждение в справочном материале и в наиболее приближенных к реальности реконструкциях, свободных от какой-либо политической подоплеки. Но тот факт, что ИКП претендовала на господствующее положение, мы полагаем, даже не подлежит обсуждению, и, исходя из этого тезиса, можно прийти к следующему «выводу»: ставки были очень высоки, и не только в том, что касалось контингента. ИКП, Сталин, союзники, итальянская буржуазия, Церковь являли собой сложные реалии, с устоявшимися и признанными традициями и опытом. Выживание этих институтов было связано с осуществлением властных полномочий, с широким видением и с долгосрочной перспективой. Ни один из них не полагался на импровизацию, и, даже в случаях эпизодического взаимодействия, в тактических моментах, и во внешних ситуациях, требующих их совместного сотрудничества, они прекрасно осознавали свои глубокие разногласия и необходимость своими действиями выбивать почву из-под ног «союзника-соперника». Таким образом, всем актерам необходимо было завоевывать позиции за счет другой стороны, никогда не беря курс на открытое столкновение, а скорее подчеркивая преимущества взаимной лояльности и сотрудничества.

Что касается ИКП, то существование двух различных структур, одна из которых отвечала только перед партией, подтверждает идею о двойственном подходе, ради которого, как раз, и были созданы несколько специальных структур. Мы видели, как действовала партия, чтобы завоевать господствующее положение в этих структурах, и, посредством их, во всем движении

сопротивления. Но у партии существовали также и серьезные внутренние проблемы, поскольку инакомыслящие члены не были столь уж слабыми и безоружными (с военной, идеологической и политической точек зрения). Группы патриотического действия имели такую щекотливую функцию, как уничтожение внутренних диссидентов, по возможности перекадывая вину на нацистов и фашистов, получая при этом двойную выгоду. Речь идет о сложных для обработки и восприятия доводах, потому что предвзято настроенные люди готовы исподтишка заявить, что рассуждать подобным образом, означает бросать тень на Движение Сопротивления, а это в свою очередь означает желание свети к нулю все его политическое, историческое и нравственное значение. Мы же, напротив, считаем, что историку не следует прятаться за фасадом вульгаризации истории и, тем самым, не осмеливаясь для лучшего понимания событий копнуть чуть глубже, ограничиваясь лишь общими фразами и прописными истинами (мы не священники, чтобы обладать ими). Некоторые из инакомыслящих коммунистов были смещены с должностей в Группе патриотического действия, другим грозили облавы, доносы, карательные действия со стороны фашистских и нацистских структур. Таким у партии появлялись мученики, которых оплакивали и помещали на алтарь освободительной войны, восхваляя, как неизбежных и необходимых жертв. Но в то же время, как можно заметить, партия расчищала себе дорогу от опасных «оппозиционеров», которые могли поставить в затруднительное положение руководство, уже испытывавшее некоторые проблемы с проведением их двойственного курса, одновременно и демократического, и революционного.

Настоящим символом Сопротивления является семья Черви, семеро братьев арестованных и убитых фашистами 28 декабря 1943 г. Семья Черви воплотила в себе стремление к свободе, подавленное к чудовищной жестокостью. Символ такого рода, как и все другие символы, чрезвычайно трудно обсуждать: либо он принят и священен как таковой, либо любое отличие или намерение провести расследование вызывает охоту на злостного распространителя чумы, для которого несколько лет назад термин «ревизионистский» был проклятием с оценочным суждением, полностью оторванным от значения и смысла. Братья Черви пытались создать автономную от Коммунистической партии группу, таким образом, вступив с ней в противоречие. Задержанные после доноса шпиона, братья были арестованы фашистами, и, пока они находились в тюрьме, в этом районе обострились военные действия. Политика репрессий возобладала и братья были казнены [8].

Самыми опасными инакомыслящими были представители Коммунистического движения Италии (Movimento Comunista d'Italia) более известные как «Красный флаг», вдохновленные идеями Троцкого, занимающие активную позицию и присутствующие в Риме и «Красная звезда», более укоренившаяся в Пьемонте. В целом, «инакомыслие» было проблемой, тревожившей коммунистическое руководство. Мауро Скочимарро писал в декабре 1943 г. в руководство коммунистической партии Северной Италии о риске коалиции между «диссидентами в наших рядах» и «неомаксимализмом процветающим в социалистической партии» [10].

Коммунисты «Красного флага» не разделяли политику национального единства лидеров Коммунистической партии и воспринимали Сопротивление как преюдию к социалистической революции.

Придерживаясь макиавеллиевской тактики, ИКП допустила приток в свои ряды большое число «попутчиков», не разделявших полностью программные установки партии [11]. В Риме Коммунистическое движение Италии имело 1183 учтенных членов, на пять больше, чем в составе ИКП, на 481 больше, чем в Социалистической партии. За девять месяцев оккупации Социалистическая партия потеряла 186 человек, что в три раза больше, чем ИКП, в пять раз больше, чем в Партия Действия. По крайней мере 52 человека из них были расстреляны в Ардеатинских пещерах 24 марта 1944 г. в ходе нацистских репрессий [12].

В составе ИКП и Коммунистического движения Италии находились разного рода авантюристы, засланные агенты, случайные попутчики. Это было связано с тем, что организации формировались в атмосфере возобновившегося стремления к радикальным переменам. В рядах Коммунистического движения Италии можно было встретить как утонченного интеллектуала Гвидо Пьовене, так и молодого человека Джузеппе Альбано по кличке Горбун из Квартиччоло, который после войны получит известность как кровавый бандит, а во время оккупации он был смелым и отважным в антифашистской борьбе.

Позиция ИКП в отношении Коммунистического движения Италии была жесткой и однозначной: члены Движения считались классовыми врагами, играющими по правилам противника. Так, П. Секкья в статье «Наша борьба», сделал порочащие намеки о том, что, возможно, нацистское гестапо приложило руку к созданию редакции «Бандьера Росса». В общем, как говорится, на войне все средства были хороши. Одни сотрудничали с политической полицией в поиске врагов Третьего Рейха и тем самым препятствовали гегемонистским амбициям коммунистов ИКП. За партией шпионили и в нее внедрялись, но, в свою очередь, внутри полицейского аппарата инкорпорированы люди, работающие на ИКП. Были возбуждены следственные действия и репрессии в отношении организации «Бандьера Росса». В скором времени организация была почти ликвидирована.

Накануне возвращения Тольятти в Италию, в марте 1944 г., отмечено уникальное сближение между коммунистами и фашистами в Риме на почве общего врага в лице сторонников правительства П. Бадольо (бадольянцев). Комитет Национального Освобождения в Риме направил своим делегатам в освобожденных районах, собравшихся в Бари на Конгресс (28–29 января 1944) следующее указание: «правительство Пьетро Бадольо должно исчезнуть». Эта идея прозвучала в унисон с идеями, выражавшимися еще существовавшим фашистским Министерством внутренних дел и полицейской охранкой ОВРА. Таким образом, вырисовывается неприглядная картина с предательствами, доносами, позорными соглашениями.

После диверсионного акта, осуществленного членами Группы политического действия на улице Раселла против немецкой полиции, гитлеровское военное командование приняло решение об ответных репрес-

сиях. Список ответных жертв вызывает недоумение и сомнения: расстреляны были 335 человек, 30 из них были членами подпольного военного центра (Centro Militare Clandestino), возглавляемого полковником Иосифом Кордеро ди Монтеземоло, являющимся членом Высшего итальянского Военного Совета (Comando Supremo Italiano). 52 человека были из Партии Действия и организации «Справедливость и Свобода», 75 убитых были евреями и 68 человек были из «Бандьера Росса». Все они принадлежали к разным общественно-политическим группам и считались врагами ИКП. Подготовка списка остается загадочным фактом, в его составлении участвовали разными названиями представители ОВРА, руководства тюрьмы Регина Коели, сотрудники и доверенные лица полицейского управления, некоторые из них являлись внедренными лицами. Главный свидетель этого дела был ликвидирован в свое время. Донато Карретта, начальника тюрьмы Реджина Коели, линчевали на лестнице моста Умберто ровно в 9 утра 18 сентября 1944 г. Он не успел показать возбужденной и подстрекаемой толпе членский билет подпольной коммунистической партии. Удар, толчок, еще удар, и Донато Карретта тонет от удара веслом по голове. «Он был самым ценным свидетелем ужасных событий. Он не должен был говорить и он ничего и не сказал» [13].

В похожей ситуации оказалась организация «Бандьера Росса», основанная в Турине после 8 сентября 1943 г. противниками официальной линии ИКП, которые, несмотря на несогласие, все же считалась неотъемлемой частью Итальянской Коммунистической партии, критикуемой ими за отказ от революционных идей. Тем не менее, диссиденты ассоциировались с врагом, потому что они вели свою игру, что противоречило официальной линии. Представитель движения Фемистокл Ваккарелла был убит 19 июня 1944 г. после того, как отправился на встречу, которая оказалось заранее заготовленной ловушкой.

Радикалы критиковали национально-демократическую линию, объявленную Тольятти после его возвращения из Москвы. Сразу после свержения Муссолини 25 июля 1943 г. и назначения Бадольо главой правительства он объявил последнего врагом нации. До своего возвращения в Италию Тольятти он считал, что партийная линия должна быть направлена на осуществление классовой революции. Знаменитый переломный «Салернский поворот» (la svolta di Salerno) привел к существенным изменениям в отношениях между союзниками в результате вхождения в игру СССР. До него западные союзники стремились держать СССР подальше от Средиземноморского театра военных действий, так и от влияния в ИКП. Отношение к монархическому правительству Бадольо выявило существующие внутрипартийные разногласия. К недовольству М. Скоччи-марро относительно управления партией из-за рубежа добавились опасения Дж. Амендолы относительно чрезмерной зависимости линии партии от Москвы.

В декабрь 1943 года лидер ИКП Пальмиро Тольятти запросил визу для возвращения в Италию. В тот момент такое соблюдение формальностей казалось излишним, учитывая тот факт, что в США многим эмигрантам было достаточно иметь простое согласие стран-союзников для того, чтобы вернуться в Италию. Этим жестом лидер коммунистов хотел признать «международный

авторитет» правительства Бадольо и показать союзникам, что советское руководство хотело включиться в итальянскую игру на законных основаниях и открыто (у всех на виду)» [14]. После изоляции, навязанной союзниками, СССР воспользовался возможностью вернуться через Италию в район Средиземного моря, а оттуда – на Балканы. Таким образом, Тольятти вернулся на родину с «продиктованным» решением и одобренным Сталиным признанием правительства Бадольо, а также с намерением отложить решение конституционного вопроса, чтобы не провоцировать возникновение глубоких противоречий между силами Комитета Национального Освобождения. Это, безусловно, была проблема огромной важности, но мы считаем, что настоящая новизна переломного момента в Салерно заключается не столько в этом, сколько во взаимном признании СССР и Италией Виктора Эммануила III, что позволило СССР вернуться в игру на этом театре военных действий, и, как следствие, обеспокоить своими действиями США, которые разрабатывали свою стратегию прямого удара в «нацистское сердце» с удовлетворением оценивая положение дел в Италии и «отдалении» Черчилля.

Если Сталин продолжал придерживаться национально-демократической линии в отношении развития политической ситуации в Италии, то его «эmissары» предполагали, что радикальный вариант вовсе не исключался. Ответственный работник НКВД А. Богомолов подверг критике Тольятти, выразив сожаление по поводу событий, последовавших за этим переломным моментом. По его словам, мы не думаем, что было его собственное мнение, у Тольятти не было политической и экономической программы по мобилизации масс.

В отличие от П. Тольятти, П. Секкья и Л. Лонго, которые были очень активны на севере, открыто высказывались против возвращения к парламентской демократии и интерпретировали «поворот в Салерно» как тактический прием. Они выражали убежденность в идее достижения прогрессивной демократии, как переходного этапа к системе советского типа. Если правда, что наступление переломного момента демонстрировало приверженность ценностям нации и утверждению политической линии, лишенной партийных целей и интересов, то в равной степени правдиво и то, что на основе самых последних документов можно подтвердить: переломный момент Салерно был недвусмысленно подсказан (продиктован) Сталиным, который добавил к этому ряд инструкций, которых было необходимо строго придерживаться [15].

Стратегия, которую разработал Сталин, представляла собой «политику тройных действий»: построить левый блок во главе с Коммунистической партией; избежать преждевременных массовых акций, то есть народного восстания или гражданской войны, и вообще, избегать революционных действий, которые могли бы усилить напряженность в отношениях между СССР и западными союзниками и помешать Советам выиграть время, необходимое для стабилизации ситуации в Восточной Европе; предложить поддерживаемую широкими слоями населения программу радикальных реформ итальянской экономики, и одержать победу на выборах при народном одобрении этой программы». С другой стороны, важность «поворота в Салерно» состояла в признании друг друга (итальянского

государства и ИКП) и взаимной легитимности. Это позволило бы сделать выбор в пользу «сохранения преемственности государства не в институциональном, а в бюрократически-административном смысле», что можно считать более значимым» [16].

К этому мы бы добавили еще один итог, который характеризовал жизнь партии в последующие годы. Эта линия нуждалась в поддержке идеологической доктрины, которая исходила из признания ценности демократии, необходимости поставить интересы страны выше интересов партий, изменить внешний вид партии, превращавшей ее из революционной партии «кадров» ортодоксальной ленинской концепции, в партию большинства, способную представлять и привлекать представителей других социальных классов. Этот переход, как мы уже упоминали, для завоевания господства в политическом и военном контексте до сих пор четко не охарактеризован. Фактически, с того момента идеи классовой войны, освободительной войны и стремление к революции стали сосуществовать в хрупком равновесии. Тольятти смог сохранить управление, приводя в динамическое равновесие интересы СССР, которые всегда были на первом месте, партии и страны. С тех пор мы начинаем говорить о «двуличии» в политической стратегии партии.

Итальянская коммунистическая партия способствовала сплочению в гарибальдийские формирования мотивированной и желающей действия молодежи. И такой призыв не представлялся как наименьшее зло, по сравнению с призывом встать под ружье Итальянской социальной республики или отправиться на работы в Германию.

Итальянская коммунистическая партия продолжала укреплять свои позиции, чтобы стать господствующей силой Сопротивления, и конкретная возможность продемонстрировать это представилась ей в конце 1944 года, когда Комитет Национального Освобождения одобрил переход формирования Дивизии Гарибальди под оперативное командование девяти словенского Корпуса [17]. Подтверждалось не только намерение бороться вместе со словенцами и хорватами, чтобы покончить с нацистско-фашистской оккупацией, но также и переход итальянцев под командование югославов, которые держали под контролем территории, граничащие с Фриули – Венеция – Джулия.

Тольятти в полном согласии со Сталиным принял план Тито по аннексии и соглашался с идеей слияния партизан Гарибальди с армией словенского освобождения [18]. Таким образом, фактически признавалось право Югославии на пограничную территорию, на которой действовало формирование Дивизия Гарибальди-Натисоне. За соглашением последовала жесткая полемика с членами бригады, действующими в этой зоне» [19]. Действительно, причин для разногласий хватало. Во-первых, стоял вопрос о национальной принадлежности тех, кто намеревался овладеть этой полоской земли. Члены бригады Осоппо были твердо убеждены, что претензии Тито должны быть отвергнуты, а принадлежность Италии отвоеванных территорий должна быть гарантирована.

Во время Освободительной войны Итальянская коммунистическая партия использовала тактику национально-демократического пути, сформировав бригады Гарибальди», и тактику классовой войны, сформировав «Боевые дружины», и воплощала в жизнь оба

Пьетро Нелье

этих вариантов. Можно только предположить, что сделали бы коммунисты, если бы были созданы условия для революции. Буржуазно-демократическая модель, вероятно, оказалась бы ненужной, это наша гипотеза, потому что проблема революции была связана с реальными и конкретными условиями и отношениями между силами на поле боя. Тольятти оставался коммунистом, убежденным сторонником превосходства советской модели, а не сторонником демократического универсализма. В лучших коммунистических традициях демократия могла представлять собой полезный или даже необходимый шаг, но никак не цель.

Англо-американские союзники не были согласны с тем, чтобы СССР мог получить влияние в странах, освобожденных ими. Поэтому Сталин решил отказаться от идеи радикальных социальных и экономических преобразований. Таким образом, для СССР оставался только один путь: войти в демократическую систему через коммунистические партии, укрепить их, чтобы они преобладали в избирательных состязаниях, «возможно, при некоторой тайной внешней поддержке». Сталин хотел установить влияние в Италии, независимо от союзников, поэтому он должен был обеспечить, чтобы коммунисты не были исключены из политической игры, после того, как им удалось, после поворота Салерно и руководства в сопротивлении, стать политическим субъектом первостепенной важности.

Лидер коммунистов такого масштаба, как Пьетро Секкья написал, иллюстрируя действия партии: «Коммунистическая партия, революционная партия должна иметь два рычага управления: большой, четко выраженный, массово видимый для всех, и ограниченный, секретный. Такой подход должен действовать и во времена самого расцвета демократии и законности, так как никогда нельзя доверять планам врага» [20]¹. Таким образом, в заключение можно сказать, что «Боевые дружины», подчинявшиеся только Итальянской коммунистической партии, представляли собой вариант классовой войны. В то время, как переход формирования Гарибальди-Натисоне (Garibaldi-Natisone) под славянские знамена, являл собой включение национального вопроса в классовый, в данных обстоятельствах связанных с властью Тито в Югославии.

Перевод И.Д. Шилоносовой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pons S. La rivoluzione globale. Storia del comunismo internazionale 1917–1991. Einaudi, Torino, 2012. P. 152.
2. Corvisieri S. Bandiera Rossa nella resistenza romana. Odradek, Roma, 2005. P. 55.
3. Pisanò P. La guerra privata del Pci. 8 settembre 1943 – 25 aprile 1945, in S. Bertelli, F. Bigazzi, Pci. La storia dimenticata, Mondadori, Milano, 2001. P. 253.
4. Piffer T. Il banchiere della Resistenza. Alfredo Pizzoni, il protagonista cancellato della guerra di liberazione. Mondadori, Milano, 2005.
5. Pizzoni A. Alla guida del CLNAI. Memorie per i figli. Giulio Einaudi editore, Torino, 1993.
6. Neglie P. Il partito comunista italiano e la ricerca dell'egemonia dalla Resistenza all'invasione dell'Ungheria (1943–1956). Liber amicorum. P. 697–698.
7. APC, Direzione Nord 1943–1945, 22.3.0, doc. del 7 gennaio 1944.
8. Fertilio D. L'ultima notte dei fratelli Cervi. Un giallo nel triangolo della morte. Marsilio, Venezia, 2012.
9. Casali L. Fratelli Cervi. In Enzo Collotti, Renato Sandri e Frediano Sessi (a cura di), Dizionario della Resistenza, Einaudi, Torino, 2006.
10. Longo L. I centri dirigenti del Pci nella Resistenza. Editori Riuniti, Roma, 1977. P. 252–253.
11. ACS, Ministero dell'Interno, Partiti Politici 1944–1966, b. 48, fasc. 161/P/33/2.
12. Parlato G. Fascisti senza Mussolini, il Mulino, Bologna, 2006. P. 106.
13. Caprara M. Una strage cercata. In S. Bertelli, F. Bigazzi, op. cit. P. 288.
14. Di Nolfo E., Serra M. La gabbia infranta: Gli Alleati e l'Italia dal 1943 al 1945. Laterza, 2015. P. 125.
15. Aga-Rossi E., Zaslavsky V. Togliatti e Stalin. Il Pci e la politica estera staliniana negli archivi di Mosca. Il Mulino, Bologna, 1997.
16. Martinelli R. Storia del Partito comunista italiano. Einaudi, Torino, 1995. P. 221.
17. Neglie P. Il partito comunista italiano e la ricerca dell'egemonia dalla Resistenza all'invasione dell'Ungheria (1943–1956). URL: <http://tesi.luiss.it/15390/1/070742.pdf>
18. ACS, Ministero dell'Interno, DGPS, Divisione Affari Riservati, 1954–1956, b. 10. Pci, Comitato Regionale Veneto, documentazione sul problema di Trieste. Riservato ai dirigenti delle federazioni comuniste.
19. APC, Direzione Nord 1943–1945, Comandi CVL – Divisione d'Assalto Garibaldi 'Natisone', 21.12.1944, prot. 211.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ РЕКОМЕНДУЕТ СТАТЬЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Кузьмин Вадим Александрович, доктор исторических наук, профессор; Заслуженный работник высшей школы РФ; заведующий кафедрой востоковедения, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург) (специальность 07.00.03)

¹ Archivio Pietro Secchia, p. 587.

РЕЦЕНЗИЯ

на статью П. Нелье «Итальянская коммунистическая партия в период гражданской войны (1943–1945 гг.)»

Во время Освободительной войны Компартия Италии использовала тактику национально-демократического пути, сформировав бригады Гарибальди, и одновременно используя тактику классово-войны, сформировав «Боевые дружины». Таким образом, воплотила в жизнь оба этих варианта.

Автор пытается разобраться в том, что сделали бы коммунисты, если бы были созданы условия для революции?

В связи с этим исследователей давно мучает вопрос о том, кто стоял за Салернским поворотом. В российской историографии не без оснований утвердилось мнение, что это было решение Сталина рекомендовать Тольятти пойти на компромисс с монархией и правительством Бадольо.

Публикация П. Нелье, основанная на введении в научный оборот новых источников, актуализирует постановку вопроса о причинах поворота в тактике КПИ.

Хотелось бы надеяться, что публикация вызовет интерес у российских исследователей, которые изучают данный период, и появится российский ответ на незавершенную тему.

Считаю, что исследование П. Нелье отличается новизной, в нем рассмотрена актуальная тема.

Статья представляет несомненный интерес для российских и зарубежных читателей, и ее публикация в журнале «История и современное мировоззрение» представляется обоснованной.

Доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. Б.В. Ельцина

В.И. Михайленко (специальность 07.00.15)

ITALIAN COMMUNIST PARTY DURING THE CIVIL WAR (1943–1945)

Pietro Neglie, Salerno Turn, Togliatti

Abstract. The article addresses the most controversial topic of Italian history – 1943–1945. In national historiography, the coverage of this period is influenced by Italian communist historiography, which linearly covers this period as the triumphal procession of the Resistance Movement. This article analyzes the complex set of relationships between various political forces after the overthrow of Mussolini and the formation of the Italian Social Republic.

This article analyzes the complex set of relationships between various political forces after the overthrow of Mussolini and the formation of the Italian Social Republic.

The article analyzes the complex relationships in the communist movement, gives the author's assessment of the Salerno turn.

Key words: Italian Communist Party, Garibaldi Brigades, Resistance Movement.

LIST OF REFERENCES

1. Pons S. La rivoluzione globale. Storia del comunismo internazionale 1917–1991. Einaudi, Torino, 2012. P. 152.
2. Corvisieri S. Bandiera Rossa nella resistenza romana. Odradek, Roma, 2005. P. 55.
3. Pisanò P. La guerra privata del Pci. 8 settembre 1943 – 25 aprile 1945, in S. Bertelli, F. Bigazzi, Pci. La storia dimenticata, Mondadori, Milano, 2001. P. 253.
4. Piffer T. Il banchiere della Resistenza. Alfredo Pizzoni, il protagonista cancellato della guerra di liberazione. Mondadori, Milano, 2005.
5. Pizzoni A. Alla guida del CLNAI. Memorie per i figli. Giulio Einaudi editore, Torino, 1993.
6. Neglie P. Il partito comunista italiano e la ricerca dell'egemonia dalla Resistenza all'invasione dell'Ungheria (1943–1956). Liber amicorum. P. 697–698.
7. APC, Direzione Nord 1943–1945, 22.3.0, doc. del 7 gennaio 1944.
8. Fertilio D. L'ultima notte dei fratelli Cervi. Un giallo nel triangolo della morte. Marsilio, Venezia, 2012.
9. Casali L. Fratelli Cervi. In Enzo Collotti, Renato Sandri e Frediano Sessi (a cura di), Dizionario della Resistenza, Einaudi, Torino, 2006.
10. Longo L. I centri dirigenti del Pci nella Resistenza. Editori Riuniti, Roma, 1977. P. 252–253.
11. ACS, Ministero dell'Interno, Partiti Politici 1944–1966, b. 48, fasc. 161/P/33/2.
12. Parlato G. Fascisti senza Mussolini, il Mulino, Bologna, 2006. P. 106.
13. Caprara M. Una strage cercata. In S. Bertelli, F. Bigazzi, op. cit. P. 288.
14. Di Nolfo E., Serra M. La gabbia infranta: Gli Alleati e l'Italia dal 1943 al 1945. Laterza, 2015. P. 125.
15. Aga-Rossi E., Zaslavsky V. Togliatti e Stalin. Il Pci e la politica estera staliniana negli archivi di Mosca. Il Mulino, Bologna, 1997.
16. Martinelli R. Storia del Partito comunista italiano. Einaudi, Torino, 1995. P. 221.
17. Neglie P. Il partito comunista italiano e la ricerca dell'egemonia dalla Resistenza all'invasione dell'Ungheria (1943–1956). URL: <http://tesi.luiss.it/15390/1/070742.pdf>
18. ACS, Ministero dell'Interno, DGPS, Divisione Affari Riservati, 1954–1956, b. 10. Pci, Comitato Regionale Veneto, documentazione sul problema di Trieste. Riservato ai dirigenti delle federazioni comuniste.
19. APC, Direzione Nord 1943–1945, Comandi CVL – Divisione d'Assalto Garibaldi 'Natisone', 21.12.1944, prot. 211.